

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

«Снеговик просыпается перед рассветом».

Маргарет Этвуд.

Все началось со снеговика. Почему-то слепить его было самым горячим желанием девятилетнего Сева Васильева. О снеговике, сладкой морковке вместо носа, которую нужно было обязательно раздобыть на больничной кухне, ведре, пластиковом, желательно ярко-красном, одолженном у уборщицы тети Кати, а также о шарфе, тоже красном, но в белую полоску, который еще предстояло из чего-то связать, он мог говорить часами и делал это, если находились желающие слушать.

Это была единственная тема, способная зажечь искорку интереса в печальных, застывших, не по-детски тусклых глазах с когда-то ярко-зеленой, а ныне поблекшей, словно выцветшей радужкой. Большую часть времени Сева проводил, отвернувшись к стенке, на больничной кровати, с которой вставал только по необходимости, а еще для того, чтобы проверить, не выпал ли необходимый для лепки снеговика снег.

Как на грех, осень в этом году выдалась долгой, теплой и совершенно бесснежной, да и декабрь оказался ей под

стать. По крайней мере, за две недели до Нового года снега не было совсем. Он начинал идти только один раз, но так вяло и неубедительно, что даже не сумел покрыть тонким слоем серый асфальт. Начавшись вечером, снег нарисовал на больничной парковке странные узоры, то и дело переметаемые поднявшимся ветром, а к утру почти совсем растаял, из-за чего узоры сменились кляксами. Увидев их, Сева Васильев заплакал, хотя до этого никто из медицинского персонала ни разу не видел его плачущим. Все процедуры, в том числе мучительные он переносил стоически, без единой слезинки. А тут вот вам, пожалуйста, расплакался из-за растаявшего снега!

Его лечащий врач Милана Сергеевна была уверена, что снеговик тут ни при чем, просто мама мальчика, до этого неотлучно находившаяся с ним на протяжении шести месяцев, которые длилось лечение, вынуждена прямо из больницы уехать в роддом, рожать. На второго ребенка семья решила сразу же, как узнала о серьезном онкологическом диагнозе старшего сына. Кто-то из бесконечных консультантов сказал, что последним шансом может стать пуповинная кровь и плацента родного брата или сестры. И, хотя результата никто не гарантировал, на семейном совете было решено использовать все шансы до единого. Пусть даже они требовали девяти месяцев реализации.

Как бы то ни было, мама Севы два дня назад уехала в роддом, а на дежурство заступил папа, до этого появлявшийся редко из-за работы вахтами. После того как Сева заболел, работал в семье только он, тяжело и много. Семья вызывала у всех сотрудников гематологического отделения глубокое уважение. Никто из родственников не ныл,

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

не жаловался, не путался под ногами, не обвинял врачей в некомпетентности, но и не лебезил. Севина мама охотно помогала другим детям, тем, кто находился в отделении без взрослых, истерик не закатывала, несла свой крест с достоинством и неугасающей верой в лучшее. Сам Сева был точно такой же, только из-за снеговика совсем раскис. Или, права Милана Сергеевна, из-за уехавшей в роддом мамы.

Главный врач областной больницы Владимир Николаевич Радецкий, вообще-то ко всем пациентам клиники относящийся одинаково, Севу Васильева отчего-то выделял и, посещая отделение, всегда заглядывал к нему в палату, стараясь принести с собой что-то, привлекающее мальчишечье внимание. Мальчик бредил наукой, постоянно читал про какие-то опыты и очень расстроился, когда ему после химиотерапии запретили выращивать на подоконнике палаты плесень, поэтому потрафить ему можно было всевозможными головоломками.

На ура «зашел» набор юного геолога, на прошлой неделе — набор юного детектива, а еще из лаборатории, по распоряжению Радецкого, притащили старый списанный микроскоп, в который Сева мог смотреть часами. Вот только снеговик вытеснил все, даже микроскоп больше не радовал. И настроение мальчика, которому через несколько дней предстояла процедура трансплантации стволовых клеток от новорожденного брата или сестрички, выздоровлению вряд ли способствовало.

Когда Радецкий вошел в палату, Сева уже не плакал, а тихо лежал на койке, отвернувшись к стенке, лишь плечи иногда вздрагивали. На тумбочке стояла тарелка каши, к которой мальчик не притронулся. Он вообще плохо ел, каж-

дая кормежка превращалась в занимательный квест, который мама проходила с честью, а вот папа не справлялся.

– Как дела, Севка? – Радецкий коротко кивнул отцу ребенка, подошел, пододвинул стул, сел у кровати, положил руку на худенькое плечо. Сева замер, видимо, не желая при главвраче выказывать слабость. – Говорят, тебя погода не радует?

Мальчик сел на кровати, подтянул ноги к груди, обхватил их руками. Коленки были острые-острые, ручки тоненькие-тоненькие. Радецкий вздохнул: к больным детям он за годы работы так и не смог привыкнуть.

– Снеговик, – горестно сказал мальчик и замолчал, словно это слово все объясняло. – Вечером снег пошел, я так обрадовался, думал, сегодня можно будет слепить. А к утру все растаяло. Понимаете, Владимир Николаевич?

Радецкому вдруг пришло в голову: маленький пациент боится, что не успеет слепить снеговика, потому что скоро умрет. Состояние мальчика было серьезным, но на данный момент не угрожающим.

– Сев, на дворе декабрь, а не июль, – сказал он и улыбнулся. – Снег обязательно выпадет. Не сегодня, так завтра, а нет, так через две недели. Слепим мы снеговика, я тебе обещаю!

– Не понимаете, – констатировал Сева. Лицо у него стало еще печальнее. – Мне через две недели не надо, мне сейчас надо. Я загадал...

Мальчик запнулся, понимая, что проговорился. Что именно он загадал, видимо, было тайной, для чужих ушей не предназначенной. Но ему это важно. Очень важно. Что ж... Идея, пришедшая в голову Радецкого, была так вне-

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

запна, что он даже зажмурился, словно от яркой вспышки. Все-таки хорошо, что он живет за городом. Знал бы, с утра сам сделал, но еще не все потеряно. Влада, которая поздно встает и долго собирается, точно дома.

— Ладно, Сева, будет тебе снеговик, раз загадал, — сказал Радецкий и встал со стула. — Только и ты уж меня не подведи. Во-первых, съешь кашу, а во-вторых, распакуй свой детективный набор, я же вижу, что он на подоконнике так и стоит в коробке.

— Зачем? — удивленно спросил мальчик.

— Хочу, чтобы ты его освоил. Вот случится в отделении какая-то детективная история, а ты ее разгадаешь.

Говоря это, Владимир Радецкий внутренне содрогнулся. Последняя детективная история в его больнице произошла неполных два года назад, закончилась благополучно и подарила ему новую жену, но повторения он не хотел ни за какие коврижки¹. Но ребенка надо чем-то занять. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

— Я освою, — пообещал Сева. — Владимир Николаевич, а со снеговиком вы меня точно не обманете?

— Я, Сева — один из самых честных людей на свете, — засмеялся Радецкий, — моя жена говорит, что я прямой просто до безобразия. Так что нет, не обману.

— И я вас не обману, — горячо заверил его мальчишка и потянулся к тарелке с остывшей кашей.

Радецкий направился к выходу, доставая из кармана телефон, чтобы позвонить Владе. Через десять минут у него

¹ Подробнее в романе Л. Мартовой «Запретные воспоминания». — *Прим. авт.*

начиналась ежедневная планерка, а от здания, где располагалась гематология, до основного корпуса еще нужно было дойти.

– Владимир Николаевич, мне бы надо с вами поговорить. У нас тут что-то странное происходит. – Милана Сергеевна попыталась его задержать, но Влада уже ответила, любимый голос услаждал ухо, и он отмахнулся от доктора Шмаковой. Потом, все потом!

Его вторая жена Владислава Громова не зря считалась успешной бизнесвумен и руководила крупной фирмой, поставляющей медицинское оборудование. Поставленные задачи она понимала хорошо и исполняла четко, даже если они на первый взгляд казались странными.

Выдав указание и получив заверение в его исполнении, Радецкий отключился от жены. Он тут же забыл и про нее, и про мальчика Севу, и про снеговика, полностью сосредоточившись на планерке и отчетах заведующих отделениями. Была у него такая особенность, позволяющая концентрироваться на том, что важно именно в этот момент, и ни на чем больше.

Влада приехала через полтора часа, когда планерка была уже закончена, а онлайн-совещание с Министерством здравоохранения еще не началось. Радецкий как раз сварил вторую за день чашку кофе, когда дверь открылась, и в кабинет влетела его хрупкая, но энергичная жена. Он улыбнулся, потому что всегда улыбался при виде нее. Это радостное чувство обладания никак не проходило и не приедалось.

– Фасолька решила, что я сошла с ума, – сообщила Влада, протягивая ему большой походный термос. – Бенья

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

был не удивлен, он давно в курсе, что от меня можно ждать чего угодно, но перед ней будешь вечером отмазывать, так и знай.

Фасолькой звали его собаку, а Бенья переехал в дом Радецкого вместе с Владой, и животные прекрасно уживались на одной территории, хотя обладали совершенно разными характерами. Радецкий представил, какими глазами его мудрая собака наблюдала за тем, как Влада набивает термос выпавшим за ночь и не растаявшим за городом снегом, и рассмеялся. Отвинтив крышку, он заглянул внутрь и убедился, что снег именно такой, как нужно — липкий, тяжелый, влажный. Вот и хорошо.

— Остальное привезла? — спросил он жену.

— Конечно, — пожала плечами та и протянула небольшой пакет. — Все тут. Держи, я побежала. У меня важная встреча через двадцать минут.

— Большой контракт?

— Не то чтобы очень. Твою больницу я в качестве контрагента потеряла из-за конфликта интересов, а другие не такие крупные. — Влада привычно вздохнула. — Надо было жить во грехе, не оформляя отношения, а то одни убытки.

Он знал, что она лукавила. Владе Громовой было очень важно являться законной женой Владимира Радецкого, к тому, чтобы это случилось, она приложила немало сил и ни о каких потерянных контрактах не жалела.

Он сожалел больше, потому что компания «Мед-Систем» свою работу делала максимально хорошо. Гибридная операционная, контракт на установку которой Влада выиграла в тот самый момент, когда в больнице произошло убийство, и его совместное расследование привело сначала к бур-

ному роману, а потом и браку между Радецким и Громовой, была запущена точно в срок и работала идеально.

Следующим контрактом, который фирма Влады заключила и выполнила, успев управиться к свадьбе, стала поставка инфузионного оборудования для гематологического отделения, и там все прошло без сучка без задоринки. Женившись на Владиславе, Владимир Радецкий приобрел жену, но потерял надежного поставщика и партнера. Его робкие предложения как раз «жить во грехе» основывались именно на том, что в его отношении к любимой женщине штамп в паспорте ничего не менял, а работе мешал изрядно. Но Влада была непоколебима в своем желании стать замужней женщиной, а известно же, что чего хочет женщина, того хочет бог.

Она убежала по своим делам, оставив в его кабинете шлейф тонких духов, которые до сих пор действовали на него возбуждающе, заставляя отвлекаться от работы и концентрироваться где-то существенно ниже пояса, но усилием воли Радецкий вернул себя в реальность. Дел на сегодня запланировано много, а ему еще надо снова дойти до гематологии. У него там тоже важное дело. Он обещал.

Накинув теплое больничное пальто с нашивкой «главный врач» на кармане (всему персоналу пару лет назад заказали такие, чтобы удобно было ходить между корпусами), он снова отправился в соседнее здание, по дороге отвечая на сообщения, которых за время планерки накопилось немало.

В лаборатории из-за нападавшего и потом растаявшего снега замкнуло проводку, и под навесным потолком возник пожар, который, к счастью, сразу удалось нейтрализовать. В кардиологии во время выписки начал скандалить паци-

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

ент, обещавший наслать на больницу кару господню вкупе со всевозможными проверками. В хирургию привезли пациента с огнестрелом, там сейчас полиция. В бухгалтерии зависла система, не проходят проводки. Дочь написала, что на ближайшие выходные собирается приехать, потому что на Новый год улетает в Таиланд вместе со своим другом. С другом Радецкий был знаком и ничего не имел против — ни друга, ни Таиланда.

Погруженный в телефон, он лишь краем глаза заметил некую странность, точнее, человека, которого здесь никак не должно быть. Обернулся, чтобы убедиться, что ему не показалось, но дорожка, вьющаяся между корпусами областной клинической больницы, была совершенно пуста. Лишь вдалеке шла санитарка Маша Селиванова, в чьи обязанности входило собирать анализы мочи в отделениях и доставлять их в лабораторию. Всех сотрудников больницы, включая санитарок, Радецкий знал по именам и в лицо, считая это залогом успешного управления.

Он помотал головой. Показалось. Его бывшему заместителю по хозяйственной части Олегу Тихомирову совершенно нечего было делать в больнице, из которой его вышибли с позором почти два года назад. Хорошо хоть, дело не завели. Слухи разошлись широко, и Олега долго никто не брал на работу, а когда взяли, то статус и уровень зарплаты оказались далеки от желаемых. Но винил в своем бедственном положении Тихомиров почему-то не себя, а Владимира Радецкого и Владиславу Громову. Впрочем, это было как раз понятно без всяких «почему-то».

Ему позвонили из нейрохирургии, попросили проконсультировать по поводу тяжелого больного, и Радецкий

тут же забыл про своего бывшего зама, потому что тот не занимал в его жизни никакого места. Даже если он шел несколько минут назад по дорожке между корпусами, это не имело значения. Да и вообще, скорее всего, он просто обознался.

В гематологии он заглянул в ординаторскую, чтобы скинуть пальто – к Севе Васильеву в палату в нем заходить нельзя. Натянул бахилы и маску, а также протянутый Милоной Сергеевной халат.

– Вы чего вернулись, Владимир Николаевич? – встревоженно спросила она. – Случилось что-то?

– Нет, я просто Севе обещал небольшой фокус, вот и забежал. Не волнуйтесь, Милана Сергеевна.

– Мне бы поговорить. Сейчас никак?

Доктор Шмакова была настойчива исключительно в важных случаях, это Радецкий помнил, но сейчас его ждали в нейрохирургии, да и все остальные дела из сегодняшнего списка пока не думали заканчиваться.

– Никак, – покачал головой он. – Меня вообще сейчас тут быть не должно. Я к вечеру освобожусь и поговорим. Давайте вы придете часиков в пять?

– Хорошо, – кивнула Шмакова.

Радецкий прошел в палату к Севе. Тот уже не плакал и кашу, похоже, съел, но все так же безучастно лежал, отвернувшись к стене. Его отец сидел рядом и читал что-то, уткнувшись в телефон. Прекрасная поддержка и отвлечение от грустных мыслей!

– Сева, это снова я, – бодро сказал Радецкий. Мальчик повернулся и сел на кровати. На лице отразилось ожидание. – Точнее, мы. Смотри, что сейчас делать будем!

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

Решительным жестом он отодвинул на край тумбочки стоящую там больничную лабуду типа пакетика с соком, блюда с порезанным на четвертинки яблоком и четвертинкой лимона. Сева любил кислое, от которого меньше тошнило, и лимоны поглощал партиями. Радецкий достал из пакета термос, отвинтил крышку и высыпал на чуть потрепавшуюся поверхность тумбочки гору рыхлого снега. Сева смотрел во все глаза.

— Снег? — спросил он дрогнувшим голосом. — А где вы его взяли? Он же растаял.

— Я живу за городом, там холоднее, а потому снег растаял не весь. Моя жена его собрала. Вот, видишь, в термос. Он, конечно, мокрый, но так даже лучше. Хорошо лепится.

Быстрыми и ловкими движениями Радецкий скатал шар, потом второй, поменьше, а затем и третий. Снеговик из привезенного Владой снега выходил, конечно, маленький. Прямо скажем, снеговичок, но все же. Спустя пару минут он уже стоял на тумбочке, а Радецкий достал из пакета ярко-красную шляпу, снятую с сидящего у камина в его гостиной мишки Паддингтона, алую ленточку, сохранившуюся от подаренного Владе букета роз (он часто дарил жене цветы, поэтому найти ленточку было несложно), пакетик с приправой «гвоздика», предназначавшейся для глаз, а также небольшую морковку, кончик которой вполне мог сойти для носа.

— Так, мне уже совсем некогда, так что украсите вы его с папой сами, — строго сказал Радецкий, глядя, как на глаза Севы снова накатываются слезы, правда, теперь от счастья. — Снеговик, конечно, маленький, но настоящий. Я попрошу Милану Сергеевну, чтобы тебе разрешили хра-

нить его в морозильнике. В коридоре холодильник стоит, вот туда в верхнюю камеру папа и поставит, когда все готово будет. А потом морозы начнутся, на подоконник снаряды выставите, чтобы вы с ним друг на друга смотрели. Выпадет настоящий снег, большого слепим, а пока и такой хорошо. Да?

– Да, – срывающимся голосом сказал Сева. Глаза его горели. – Очень хорошо. Сейчас мы его доделаем и в морозильник спрячем, чтобы не растаял. Да, папа?

Отец мальчишки кивнул, скрывая улыбку.

– Спасибо вам, Владимир Николаевич. Я бы не догадался. Нужен ему этот снеговик, что ты будешь делать!

– Раз нужен, то доделывайте, надевайте шляпу и замораживайте это чудо. – Радецкий тоже улыбался, потому что быть немножко волшебником приятно даже такому серьезному человеку, как он. – И да, Сева, ты мне обещал, что побудешь детективом, так что давай, начинай. Через пару дней приду – проверю.

Вернувшись с чувством выполненного долга, он погрузился в круговорот важных дел, даже не догадываясь, что слепленному им снеговика предстоит стать свидетелем важных событий. К пяти часам вечера Радецкий закончил все встречи, консультации и переговоры. Теперь у него было полтора часа, чтобы подписать документы и спланировать завтрашний день.

Придвинув папку «На подпись», он открыл ее, заранее грустя из-за количества бумаг, в смысл которых нужно вникнуть. В голове сидела заноза, словно он собирался сделать что-то еще, но забыл. И что это может быть? По давно сформировавшейся привычке Владимир Николаевич

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

начал откручивать сегодняшний день назад, пока не дошел до точки, служившей источником беспокойства. Точно. Он велел Милане Шмаковой прийти к нему в кабинет в семнадцать часов, потому что с утра она дважды хотела с ним переговорить.

Часы показывали уже пять минут шестого, однако Шмаковой не было. Забыла? Передумала? Опаздывает? Решив подождать, Радецкий погрузился в прочтение и подписание документов. Он всегда всерьез вникал во все, что делал, выкидывая из головы остальное, поэтому про доктора Шмакову снова вспомнил лишь в двадцать минут седьмого, когда со вздохом облегчения закрыл папку и потянулся к компьютеру, чтобы посмотреть расписание на завтра.

Скорее всего, Милана Сергеевна передумала или разрулила вопрос, который собиралась с ним обсудить. Однако внутреннее беспокойство почему-то не утихло. Черт, и задерживаться не хочется! Сегодня, как всегда по вторникам, у Радецкого была тренировка по верховой езде. Длилась она с семи до восьми и задерживаться не хотелось, потому что в половине девятого его будет ждать дома Влада. С ужином, который она всегда готовит к его приходу.

Тихие семейные вечера после напряженного трудового дня Радецкий с недавних пор ценил и урывать от них даже десять минут не собирался. Изучив перечень завтрашних дел, внеся в них некоторые коррективы и собравшись включить компьютер, он вытащил телефон и набрал номер Шмаковой.

— Милана Сергеевна, добрый вечер. Радецкий. Простите, что беспокою вечером. Вы уже дома?

– Да, Владимир Николаевич. Но ничего страшного. Я вас слушаю.

– Вы собирались зайти ко мне, чтобы обсудить что-то важное. Я с утра не дал вам такой возможности. Передумали или вопрос снят с повестки?

Шмакова молчала, и он вдруг представил, как она в задумчивости дышит, прижимая трубку к уху, размышляя, говорить главврачу о том, что ее тревожит, или нет. Давая ей время подумать, Радецкий тоже молчал, глядя в окно кабинета, где в сгустившейся декабрьской темноте, кажется, снова начинал идти мокрый снег. Унылая зима в этом году. Безрадостная.

– Все в порядке, Владимир Николаевич, – сказала наконец собеседница. – Мне не хочется грузить вас ерундой, право слово. Скорее всего, просто показалось. Чего вас дергать при вашей-то занятости. С большой долей вероятности дело не стоит выеденного яйца, не хочется казаться причитающей клушей.

Радецкий улыбнулся. На клушу доктор Шмакова была не похожа ни капельки. Ладно, как говорится, леди с фазэону, пони легче. Можно ехать на тренировку, а потом домой. Если бы дело было действительно серьезное, так просто он бы от нее не отделался.

– Владимир Николаевич...

– Да, Милана Сергеевна.

– Вы так здорово придумали с этим маленьким снеговиком. Сева сегодня целый день то и дело прошмыгивал к холодильнику, чтобы на него посмотреть. Мы его днями не могли из палаты выманить, ни в игровую, ни к телевизору, а тут только и сновал туда-сюда. Я дежурную смену преду-

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

предила, чтобы, не дай бог, не сломали и не выбросили. Слез не оберемся. Но чем-то ему этот снеговик важен. Лежал же тряпочкой, полностью утратив интерес к жизни. А тут весь день смеялся и коробку с детективным набором распотрошил. Вы все-таки немножко волшебник, Владимир Николаевич. Хотя для хорошего врача это, наверное, нормально.

Она засмузилась от неожиданного комплимента и умолкла.

— Спасибо на добром слове, — пришел к ней на помощь Радецкий. — До завтра, Милана Сергеевна. Хорошего вам вечера.

— И вам, Владимир Николаевич.

Прощавшись, он выключил компьютер, прошел в комнату отдыха, убрал в шкаф халат, натянул пуховик, погасил свет и покинул больницу, находясь в весьма неплохом настроении. Рабочая неделя тянулась своим чередом, и, видимо, сомнения Шмаковой, чего бы они ни касались, были полностью развеяны, потому что Радецкого она больше не тревожила.

Впрочем, в четверг она позвонила, чтобы сообщить: кто-то из персонала выбросил из морозилки Севиного снеговика. Проснувшись утром, мальчик в очередной раз побежал к холодильнику, чтобы проверить своего «дружочка», но снеговика там не нашел. Ярко-красная шляпа и ленточка обнаружили в мусорном ведре в туалете для больных. Кто это сделал и зачем, узнать не удалось, потому что никто не признавался.

— Севка рыдает и отказывается от еды? — спросил Радецкий с досадой.

– Поплакал немножко, но сказал, что скоро выпадет нормальный снег, а вы обещали ему большого снеговика. Кроме того, тут стало известно, что его мама ночью благополучно родила девочку, так что он переключился на эту новость и плакать перестал.

– Вот и хорошо, – сказал Радецкий. – Я постараюсь к нему зайти.

В палату к мальчику он заглянул, правда, уже после работы, по дороге в спортзал. Препарат из пуповинной крови и плаценты, содержащий стволовые клетки, был изготовлен, совместимость проверена, и на пятницу назначена процедура трансфузии, для которой Севу необходимо было подключить к специальному аппарату, медленно вводящему препарат за несколько часов. Работающая система поддерживала нужную температуру, обеспечивала бесперебойное капельное поступление препарата в кровь, следила за состоянием мальчика, и все это было возможно благодаря недавно закупленному оборудованию, которое поставила фирма «Мед-Систем».

– Завтра будем тебя лечить лекарством, которое у нас появилось, благодаря твоей сестричке, – сказал он Севе, увлеченно копающемуся в наборе юного детектива. Расстройство из-за снеговика было, похоже, забыто.

– Ага. Мама ее фотографию прислала. Такая смешная, – деловито сообщил мальчик.

– Детективишь? – Радецкий кивнул на подаренную им коробку.

– Ага. Владимир Николаевич. Я тут одно преступление распутываю. Ночью по коридору ходит злоумышленник, который не хочет, чтобы его увидели. Это он моего сне-

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

говика выкинул, чтобы я к морозильнику не бегал и не мешал.

— Чему не мешал? — рассеянно уточнил Радецкий, которому, по-хорошему, уже нужно было выезжать.

— Делать его черные дела. Я его прошлой ночью застукал, он еле-еле спрятаться успел, вот и решил от меня избавиться, чтобы я из палаты не ногой.

Ясно. Ребенок заигрался в детектива, как и велел главный врач. Что ж, надо подыгрывать.

— Ладно, Севка, закончишь свое расследование — доложишь результаты, — сказал Радецкий, вставая со стула. — Сестренка у тебя красавица, мама молодец, и завтра все будет хорошо. Слышишь?

Он ушел, совершенно не переживая из-за предстоящей процедуры. Не было в ней ничего сложного или необычного. С препаратом лишь нужно обращаться аккуратно, потому что было его мало, и больше раздобыть негде.

Гром среди ясного неба раздался в пятницу в районе четырех часов дня. Радецкий находился на конференции по летальности, поэтому ответить на звонок не мог. Поставленный в беззвучный режим телефон в кармане халата вибрировал снова и снова, словно у него была падучая. Такой припадок означал только одно — случилось что-то серьезное. Радецкий вытащил телефон из кармана. Шмакова.

— Срочно? — тихо спросил он в трубку, глядя на сидящего напротив заведующего гематологией, тоже участвующего в конференции.

Шмакова задыхалась от слез.

— Владимир Николаевич, у нас катастрофа. Я не знаю, что делать. Аппарат для трансфузии отключился.

С точки зрения Радецкого, это не было поводом так рыдать.

– Перезагрузите.

– Пробовали. Там батарея разряжена в ноль.

– Перейдите на второй.

– Он тоже не включается. Обе батареи вышли из строя. Мы не сразу спохватились. Уже двадцать минут простоя. Если срочно не запустим, процедуру придется прервать и препарат пропадет. А другого же нет! Отец Васильева кричит, что он нас засудит. Они специально второго ребенка рожали ради стволовых клеток родственного донора, а тут такое!

– Милана Сергеевна, успокойтесь. Я уже иду.

Радецкий встал и пошел к выходу, краем глаза отметив, что заведующий отделением и непосредственный начальник Шмаковой идет за ним. Это хорошо, сообразил, что происходящее его тоже касается. По дороге в соседний корпус Владимир Николаевич позвонил жене. Аппараты поставляла ее фирма.

Гарантийный срок закончился три месяца назад, и больница объявила тендер на постгарантийное обслуживание, в котором «Мед-Систем» не смог участвовать из-за конфликта интересов. Других желающих выполнять работы по сложному техническому регламенту за небольшие деньги не нашлось, и в результате конкурс был признан не состоявшимся. Его нужно было объявлять заново, но пока руки не доходили. И вот вам, пожалуйста! У обоих аппаратов разом вышли из строя аккумуляторные батареи, и, разумеется, в самый неподходящий момент. Влада, выслушав мужа, решение приняла быстро.

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

— У меня на складе есть еще один такой аппарат, — сказала она. — Сейчас ребята достанут аккумулятор и привезут. В течение часа устроит?

— Надо бы быстрее, — сказал Радецкий сквозь зубы. Никакой суд его не пугал, а вот Севу было жаль. Нельзя, чтобы из-за неработающего аккумулятора накрылся реальный шанс на спасение его жизни. Никак нельзя! — Надо бы успеть за полчаса, максимум минут сорок, Владушка.

Он редко называл жену ласкательными именами, поскольку они совсем ей не шли. Она была деловая и серьезная, и Радецкий звал ее Владой, переходя на «телячьи нежности» крайне редко.

— Я постараюсь, — ответила она и отключилась. Пошла выполнять поставленную перед ней задачу.

Новый главный инженер, взятый Владиславой Громовой на работу после не самых приятных приключений со старым, появился в больнице спустя тридцать две минуты. Для того чтобы вставить аккумулятор в инфузионную помпу и заставить ее работать, ушло еще десять. Процедура, назначенная Севе Васильеву и прерванная из-за несвоевременной поломки оборудования, была продолжена, ничего страшного, к счастью, не случилось.

— Можете посмотреть, что с нашими аппаратами? — спросил Радецкий у главного инженера, которого, как он знал, звали Иваном. — Понимаю, контракта нет и вы не обязаны, но мне нужно понять, что произошло, чтобы не допустить подобного впредь.

— Конечно, Владимир Николаевич, — кивнул тот. — Мне и Владислава Игоревна велела обязательно все посмотреть.

Через десять минут Иван вынес вердикт: батареи обоих инфузатов вышли из строя из-за неправильной зарядки. По техническому регламенту, перед тем как поставить заряжаться, следовало специальным приборчиком разрядить их в ноль, однако сотрудники отделения заряжали аккумуляторы, то ли не разрядив их перед этим, то ли грубо прерывая процесс разрядки. Из-за этого батарея изнашивалась слишком быстро и не заряжалась на максимум, отказавшись работать в самый ответственный момент.

– Восстановлению подлежит? – спросил Радецкий, сатанея.

Он всегда приходил в ярость, когда что-то случалось из-за халатности и некомпетентности его сотрудников. В последние годы больница закупала оборудование на вполне ощутимые деньги. Один Радецкий знал, чего стоило ему выбивать нужное финансирование, доказывая и объясняя необходимость применения того или иного аппарата, операционной или диагностического комплекса. И бесхозяйственный подход в его глазах был самым страшным грехом. После непрофессионализма.

– Надо смотреть, – честно сказал Иван. – Я могу забрать и погонять у нас в офисе. Но документально нам эту работу никак не провести, вы же понимаете.

Радецкий понимал. Из-за того, что Влада стала его женой, больница утратила умного и порядочного подрядчика. Договор на техническое обслуживание не заключен, объявлять его сейчас – тратить время. Конечно, Влада дала попользоваться аккумулятором, снятым с инфузатора, хранящегося на ее складе, но он в любой момент может быть продан, а значит, батарею придется вернуть. Хотелось бы,

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

чтобы к тому времени свои аппараты были в рабочем состоянии, поскольку пациентов в отделении много, не один Сева.

— Забирайте, под мою ответственность, — вздохнул он. — С Владиславой Игоревной я договарюсь.

Иван уехал, суматоха улеглась. Рабочий день подошел к концу, Сева давно уже отдыхал после процедуры, и перед уходом домой Радецкий снова зашел к мальчишке, чтобы убедиться — с ним все хорошо.

Тот лежал в кровати, немного бледный, но вполне довольный.

— Мама звонила, — сказал он. — Плакала, что все не зря. Сестричку показала в телефон. Такая смешная! Владимир Николаевич, а она не будет расстраиваться, что ее родили не потому, что хотели, а потому что надо было попытаться с ее помощью меня спасти? Мне бы обидно было.

Хорошим человеком рос Сева Васильев. Или это детские страдания так развивают душу?

— Она не будет расстраиваться, если ты будешь очень-очень ее любить, — сказал Радецкий серьезно. — А еще обязательно поправишься, в знак благодарности. Ей же нужен здоровый старший брат, который станет ее оберегать и о ней заботиться. И она будет гордиться, что помогла тебя вылечить. Вот увидишь!

— Ладно. — Сева заметно успокоился. — Вы, конечно, правы. Владимир Николаевич, а может такое быть, что тот человек, который ночью приходил и уничтожил моего снеговика, специально вывел из строя аппарат? Мог он хотеть меня убить?

Нет, зря он велел мальчишке стать детективом. Все-таки Сева еще очень юн и не может отличать игру от реальности. Радецкий с досадой решил, что стареет, раньше у него обходиться с детьми получалось лучше. Просто свои давно выросли, вот и сказывается отсутствие тренировки.

– Никто не хотел тебя убивать, Сева, – сказал он с максимальной убедительностью, на которую был способен. – Аппараты ломаются, даже если это очень важное и серьезное медицинское оборудование. К счастью, все хорошо закончилось, так что ты можешь про это не думать.

– А про того, кто ночью ходил по отделению, тоже? – уточнил мальчик. – Вы же его еще не поймали. Или ее. Я не разглядел, кто это был. Так, просто тень мелькнула. Этот человек услышал мои шаги и спрятался. Я же открыто шел, ни от кого не скрываясь.

Радецкий погладил мальчишку по голове.

– Ни о чем плохом можно не думать, – улыбнулся он. – Никто не придет и ничего плохого не сделает. Это же больница! Тут работают только хорошие люди.

На последних словах Радецкий вздохнул, ибо его собственный опыт подтверждал их ошибочность. Ну да ладно, девятилетнему Севе не обязательно про это знать.

Главный врач вышел из палаты и направился к выходу, чтобы ехать домой. Из приоткрытой двери в ординаторскую раздавался странный тоненький звук – там кто-то плакал. Он подошел, прислушался и заглянул внутрь. Положив голову на руки, горько рыдала доктор Шмакова.

– Милана Сергеевна, вы чего это изволили так расклеиться? – строго спросил Радецкий. – Надо уметь держать удар, тем более что ничего непоправимого не произошло.

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

Женщина подняла залитое слезами лицо, шмыгнула покрасневшим носом.

— Я виновата, Владимир Николаевич, я так виновата!

— В чем конкретно?

— Я еще в понедельник заметила: с одним из аппаратов что-то не так. Точнее, я несколько дней обнаруживала, что зарядное устройство то включено в сеть, то отключено. Мне это показалось странным. Штепсель у него очень тугой, так просто не выпадет. Потом у меня была назначена процедура одному из пациентов, и инфузамат вел себя очень странно. Уровень заряда батареи все время скакал. Я хотела вам сказать. Помните? Когда вы к нам зашли. Но вам было некогда, и вы велели мне прийти в конце рабочего дня. За это время я решила, что мне просто показалось, и никуда не пошла. Если бы я все вам рассказала, то, может, сегодняшней ситуации и не возникло!

— История не знает сослагательного наклонения, — сообщил Радецкий. — Выводы надо делать, а не плакать. Вы мне лучше скажите: почему решили сообщить о своих сомнениях мне, а не пошли к заведомо делением? Вы Игоря Петровича в чем-то подозреваете?

На лице Шмаковой отразился ужас. Она даже руками замахала в ответ на такое нелепое подозрение.

— Бог с вами, конечно, нет! Просто Игорь Петрович очень любит, когда кому-то что-то кажется. Он бы начал выяснять все... слишком громко, понимаете?

Радецкий понимал. Тактичностью заведующий гематологией не отличался. А вот специалист прекрасный. За это Радецкий был готов многое простить. Правда ли, что вилка зарядного устройства для инфузионного насоса была то вклю-

чена в розетку, то выключена? Если да, что это означает? Кто-то хотел вывести оборудование из строя специально? Это выглядело таким бредом, что Радецкий сразу выкинул дурацкое подозрение из головы. Во всем виновата обычная безалаберность и разгильдяйство, а раз так, нужно еще раз проработать схему обращения с оборудованием, чтобы исключить повторение, а заодно установить, кто именно накосячил.

То же самое он объявил Владе, с которой встретился за ужином.

– Сегодня я учинять разборки не стал, потому что сгоряча мог и головы снести, хоть виновные, хоть нет. Слишком велико было желание понять, кто в ответе за мои испачканные штанишки, – признался он.

– Сильно расстроился? – спросила жена. Она хорошо его знала.

– Нет. Скорее впал в недоумение. Не люблю, когда чего-то не понимаю. Но я разберусь, ты же знаешь. За выходные осадок уляжется, и будем смотреть, кто виноват и что делать. С инфузоматом поможешь?

– Помогу, конечно, – кивнула Влада. – Если у Ивана не получится привести аккумуляторы в чувство, закажу новые. Из собственных внутренних резервов. В конце концов, это была моя поставка. Будем считать, что мои инженеры недостаточно хорошо проинструктировали твоих техников, как обращаться с капризным прибором.

– Ты не должна. Гарантийный срок кончился.

Влада нетерпеливо махнула рукой.

– Перестань. Цена вопроса не так уж велика, чтобы об этом говорить. Но с конкурсом на техническое обслужива-

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

ние тебе все-таки надо ускоряться. Моя фирма — не единственная, кто может выполнять такие работы.

— Но лучшая, — буркнул Радецкий.

— Спасибо, но ты пристрастен. — Она улыбнулась. — На «Мед-Систем» свет клином не сошелся.

Они приступили к ужину, даже не подозревая, что скоро последнее утверждение Владиславы Громовой будет опровергнуто самым неприятным образом. Через час позвонила Ира Веретьева, любимая сотрудница и почти подруга.

— Видела уже? — спросила она странным, неестественно напряженным голосом.

— Что именно? — не поняла Влада.

Радецкий затопил камин, и они сидели перед ним на ковре, удобно расположившись с бокалами красного вина и тарелочкой порезанного сыра, прижавшись друг к другу и глядя в огонь. Рядом лежали Фасолька и Беня, всем было хорошо и спокойно.

— В интернете цунами по поводу того, что из-за головотяпства сотрудников «Мед-Систем» в областной больнице чудом не погиб ребенок.

— Бред какой-то, — искренне сказала Влада. — Во-первых, никто не погиб и, слава богу, не собирался. Максимум, что могло произойти, — это порча ценного биопрепарата. А во-вторых, «Мед-Систем»-то тут при чем?

— Я тебе сейчас ссылки скину, сама посмотришь, — зловеще сказала Ира.

— Ссылки? Их что, много?

— Да. В том-то и дело! Сначала пасквиль вышел в одном из каналов, а потом разошелся по еще нескольким пабликам. Классическая кампания травли. Кто-то очень хорошо

постарался. Сама знаешь, когда речь идет о детском здоровье, народ реагирует крайне остро, так что угроза жизни тут, ясное дело, для красного словца, но отмыться практически невозможно. Никто не будет выяснять, была на самом деле угроза или нет, тем более что там папаша интервью дает, красочное такое. Грозится засудить больницу и главного врача. А «Мед-Систем» обвиняется в том, что мы, пользуясь твоей близостью к Радецкому, поставили в отделение гематологии некачественное оборудование, а потом препятствовали заключению договора на техническое обслуживание с другой фирмой. Мол, Радецкий сорвал аукцион, чтобы не платить бюджетных денег не своей жене. Есть призывы возбудить уголовное дело и начать проверку.

– Присылай, я посмотрю. – Влада отключилась и быстро пересказала мужу содержание разговора с Веретьевой.

– Интересно. – Радецкий растер ладонями лицо. – С учетом, что после происшествия прошло всего несколько часов, похоже, кто-то к нему готовился.

– Что ты имеешь в виду?

– Давай сначала посмотрим, что там, потом объясню.

Звякнул телефон, принося обещанные ссылки. Владислава открывала их одну за другой, читала вслух, внутренне мертвея от пакостности тона, чудовищности обвинений и гадливости от того, что кто-то может так грязно использовать произошедшее в больнице ЧП с ребенком.

Радецкий слушал молча. Его лицо ничего не выражало, словно окаменев.

– Ну да. Так и есть, – сказал он, когда Влада закончила.

– Что так и есть?

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

– Ну, посуди сама! Чтобы написать все эти тексты, разместить их в строго выстроенной последовательности, поддержать точно вброшенными «правильными» комментариями, успеть найти папашу и сыграть на его чувствах, нужно время. А его бы не было, если бы тот, кто возжелал воспользоваться ситуацией нам с тобой во вред, узнал о том, что аккумуляторы вышли из строя, внезапно. Этот человек заранее знал, что они накроются.

– Но это же невозможно, – жалобно сказала Влада и вдруг замолчала.

– Возможно, если ты преднамеренно вывел их из строя, – высказал пришедшую ей в голову мысль Радецкий.

– Володя, но это же преступление...

– Ну да. Очередное преступление в больнице. Кто-то, зная о предстоящей Севе Васильеву процедуре, заранее вывел из строя аккумуляторы обоих инфузионных насосов. Для этого нужно было несколько раз подряд отключить из сети устройство, разряжающее их перед зарядкой. Милана Сергеевна заметила, что вилка зарядного устройства то включена в розетку, то выключена. Она еще хотела поговорить со мной об этом, а я, дурак, ее не выслушал, потому что, видите ли, был занят. Тот, кто портил прибор, делал это в несколько приемов. Несколько раз по утрам, когда это заметила Шмакова, и ночью, когда злоумышленника практически застукал Сева, отправившийся в очередной раз полюбоваться на своего снеговика. Мальчишка-то был прав: в коридоре действительно кто-то ходил, а снеговика уничтожил, чтобы лишить Севу необходимости выходить из палаты. Черт, они же мне оба говорили, а я отмахивался, не думая, что это важно. Идиот!

Влада погладила его по руке, призывая успокоиться.

– Ты совершенно ни в чем не виноват, – сказала она. – Как всерьез реагировать на то, что больному ребенку слышатся шаги в ночном коридоре? И вообще важно не это. Надо получить ответ на два извечных вопроса: кто виноват и что делать?

– Виноват тот, кто готов рискнуть здоровьем девятилетнего мальчишки, уничтожив биопрепарат, ради которого его мать девять месяцев носила беременность, чтобы спасти старшего сына, – жестко сказал Радецкий. – Спланировать и повернуть все это только ради обвинения меня в конфликте интересов, лоббировании финансового благополучия моей жены и коррупции, а тебя в недобросовестности ведения бизнеса... Нужно очень сильно не любить нас обоих. Это во-первых.

– А во-вторых?

– Иметь доступ в больницу, к аппаратуре.

– Кто же способен и на первое, и на второе? – спросила Влада. – У меня, конечно, полно конкурентов, и они не всегда действуют белыми методами, но чтобы настолько...

– Ты правда не знаешь? – Радецкий усмехнулся.

– Олег, – выдохнула Влада и даже зажмурилась от осознания чудовищности ситуации. – Тихомиров. Я поймала его на грязной игре и сговоре с моим конкурентом, из-за которого чуть не накрылось дорогостоящее оборудование в гибридной операционной. Ты его за это уволил, а он так и не смог устроиться на работу, позволяющую хотя бы отдаленно поддерживать уровень жизни, к которому привык. Думал, что мои конкуренты, ради которых он все

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

это затеял, его спасут, а они выбросили его на обочину, как рваную тряпку, когда он перестал быть им полезен. Точно, больше никому!

— Некому. Особенно с учетом того, что я в начале недели видел его на территории больницы. Как раз шел в гематологию и глазам своим не поверил, а когда оглянулся, Тихомирова уже не было. Впрочем, неоспоримый факт, что причина неприятностей кроется в нем, нам, к сожалению, ничем не поможет.

— Почему? — удивилась Влада.

— Доказательств, что аккумуляторные батареи были выведены из строя специально, у нас нет. Ни единого. А без этого мы никому не объясним: вся эта история затеяна только для того, чтобы нас с тобой подставить.

— И что теперь будет?

Радецкий нехорошо усмехнулся.

— Масса проверок, включая прокурорскую. Не исключая, что и возбуждение уголовного дела, как этого требуют праведники в интернете. Того самого, от возбуждения которого я спас Тихомирова, ограничившись увольнением. пожалел гаденыша! Что ж, он нас с тобой не пожалеет. Готовься, Влада! В лучшем случае нас ждет мотание нервов и лишние седые волосы.

— А в худшем?

— А в худшем — мое увольнение.

— Володя! Мы не будем сдаваться, — возмутилась Владислава. — Не может быть, чтобы этот мерзавец победил только потому, что ему хочется отомстить. Ни ты, ни я ни в чем не виноваты, а значит, должен быть способ это доказать. Давай подумаем, кто может нам помочь.

– А что тут думать? – Радецкий притянул жену к себе и поцеловал в висок. – На нашей стороне два таких сильных игрока, как начальник городского УВД полковник Бунин и журналистка Инесса Перцева.

– Ну вот. Значит, первый поможет официально оформить и пустить в работу доказательства, которые ты соберешь в больнице. А вторая придумает, как, пользуясь этими доказательствами, развернуть общественное мнение в интернете в нашу пользу. Звони.

– В десять вечера в пятницу?

– Да, до понедельника нас с тобой затопчут в информационном пространстве, после чего явившейся прокуратуре только и останется, что упаковать нас тепленькими. Твои Бунин и Перцева не малые дети, спать в десять вечера не ложатся.

Радецкий потянулся к телефону.

– И еще, – остановила его Влада. – Ты сказал, что злоумышленник, который выводил аппаратуру из строя, делал это несколько дней подряд, причем как днем, так и ночью. У Олега не было такой возможности. Это делал другой, тот, кто может приходить в отделение гематологии, не вызывая подозрений, причем по сменам. Ты должен ответить на вопрос Ивана Александровича, кто это может быть.

Радецкий вдруг засмеялся. Громко, от души.

– Я уже и забыл, что ты настоящий Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро в одном флаконе, – сказал он. – Твоя убийственная логика не устает меня поражать, хотя я и себя считаю человеком крайне логическим. Конечно, это кто-то из сотрудников отделения. Надо просто наложить график дежурств на то время, когда Шмакова и Сева заметили неладное, и понять, кто в эти дни работал. А после этого уста-

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

новить, как этот человек может быть связан с Тихомировым. Первая часть, несомненно, моя забота. А со второй Иван справится в лучшем виде.

Он сделал несколько телефонных звонков, последний из которых был доктору Шмаковой, дежурившей сегодня ночью. Сначала она решила, что он звонит узнать, как Сева, а потом выполнила его просьбу. Если Милана Сергеевна и удивилась, то вопросов не задавала. Распечатав присланные ею фотографии, Радецкий вернулся на ковер перед камином, удобно расположился на нем и углубился в работу.

К полуночи перед ним лежал листок бумаги с тремя фамилиями. В те смены, когда Шмакова заметила беспорядок с зарядным устройством, а Сева Васильев слышал странные шаги в коридоре, после чего пропал снеговик, работали две медсестры и одна санитарка. Этот список Радецкий отправил полковнику Бунину, после чего строго велел Владе ложиться спать.

За окном начинался снегопад. Мягкий пушистый снег падал с неба, ложась на землю невесомым пухом, переметаемым ветром с места на место. Видневшееся в окно небо (Радецкий не признавал штор и никогда их не закрывал) казалось крапчатым, как иссиня-черная ткань, покрытая неровными белыми кляксами. От порхающего в свете фонаря снега голова тоже немного кружилась, но сон не шел.

«Что-то я стал чересчур чувствительным, — с досадой думал Радецкий, — старею, наверное. Раньше меня не накрывало бессонницей из-за какой-то там кляузы».

Уж чего-чего, а кляуз в его жизни было столько, что и не упомнить. Их писали пациенты и их родственники, коллеги, начальники и подчиненные, поставщики и прочие контр-

агенты, чиновники и оппозиционеры. Эка невидаль! Однако сейчас дело касалось не только его самого, но и Влады, поэтому задевало особенно сильно.

Что ж, мерзавец Тихомиров знал, куда бить, чтобы попасть по больному. Только он явно недооценил, с кем связался. Бьют – беги – это не про Владимира Радецкого, который еще в бытность свою военно-полевым хирургом привык поворачиваться лицом и идти навстречу опасности. Это правило всегда приносило победу, и в этот раз будет точно так же. Придя в своих рассуждениях к такому выводу, он сам не заметил, как заснул.

Утро принесло новую волну хейта в соцсетях. Нанятый Тихомировым специалист явно был мастером своего дела и нагнетал истерию грамотно, как по нотам. Что ж, совсем скоро Инесса Перцева выяснит, кто это. Она свое дело тоже знает хорошо.

Первые результаты появились в районе субботнего полдня. Радецкий как раз успел проснуться и съездить на урок игры на саксофоне, который он всегда брал по субботам. Не было ни малейшей причины сегодня отступить от раз и навсегда заведенного графика.

Влада тоже уехала на работу, она решала проблему с аккумуляторами, и раз ее инженеры трудились не покладая рук, сама она тоже считала неправильным отсиживаться дома. Иван Бунин позвонил, когда Радецкий, вернувшись, загнал машину за ворота.

– Екатерина Рыкованова, – сказал он.

– Точно?

– Обижаете, доктор. Точнее не бывает. Ваша медсестра – двоюродная сестра жены Тихомирова.

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

– Ясно.

– Помощь нужна?

– Нет, сам справлюсь. Спасибо.

– Как всегда. – Полковник вдруг засмеялся. – Но если что, звоните.

Память услужливо выдала фотографию с расписанием дежурств в отделении гематологии, присланную Шмаковой. Ну да, все правильно. Радецкий снова сел за руль и поехал на работу. Ему нужен был мальчик Сева Васильев, и он очень надеялся, что его пышущий негодованием отец даст им поговорить.

К его счастью, Васильев-старший как раз уехал в роддом, проведать жену, точнее, поторчать под окнами и отдать передачу. Все как положено, чин по чину. Радецкий ужасно сердился, и на себя тоже, в первую очередь из-за того, что так сильно злится. Сева лежал на кровати и чувствовал себя неплохо. В детектива он согласился поиграть сразу и с удовольствием.

– Снег идет, – сказал мальчик, блестя глазами. – Как ночью пошел, так и не прекращается.

На посту никого не было – вот ведь бардак, и он прошел в сестринскую, стараясь не привлекать внимание дежурного врача, сменившего поутру доктора Шмакову. Объясняться, что он тут делает в выходной день, Радецкому было не с руки.

Из сестринской доносился веселый смех и звяканье чашек – там пили чай, совершенно не заботясь о том, что правилами внутреннего распорядка заведено, чтобы кто-то из дежурных сестер обязательно был на посту. Вдруг кому-то из больных что-то понадобится или, не дай бог, конечно,

станет хуже! Главный врач снова начал злиться, потому что разгильдяйство и вытекающий из него бардак были совершенно неистребимы, как ни старайся. Он мрачно подумал, что в понедельник его подчиненных ждет разнос.

Толкнув дверь, Радецкий шагнул в сестринскую. Медсестры, все три, включая Екатерину Рыкованову, как по команде, повернулись в его сторону и замерли при виде главврача, застукавшего их за распиванием чая с тортиком. А что такого, суббота!

– Марина Николаевна, Ксения Александровна, выйдите, пожалуйста, – ровным голосом попросил Радецкий. – И вернитесь на пост.

Его ровный негромкий голос не предвещал ничего хорошего. Это подчиненные знали так же точно, как то, что за окошком зима. Марина, та, что постарше, ойкнула, со стуком поставила чашку на стол, так что немного горячего чая выплеснулось ей на колени, снова ойкнула, теперь уже от боли, вскочила и прошмыгнула за дверь. Рыжеватая, немного неповоротливая Ксюша, только в этом году окончившая медучилище, чуть замешкалась, но тоже вышла. В комнате остались только Радецкий и Рыкованова, смотревшая не испуганно, а скорее затравленно, но с вызовом.

– Перчатки надо надевать, – сказал Радецкий негромко.

Она растерянно уставилась на него.

– Что?

– Когда вытаскиваешь вилку зарядного устройства для аккумуляторов из розетки, нужно надевать перчатки, – любезно пояснил он. – Вы, Катя, слышали когда-нибудь про отпечатки пальцев?

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

Он блефовал, потому что никаких отпечатков никто не снимал и даже не собирался, да и уверенности, что она орудовала без перчаток, у него не было. Не совсем же дура, в самом-то деле. На лице медсестры отразилось все испытываемое ею внутреннее смятение. Радецкий и рад бы был почувствовать злорадство, но его не было. Только бесконечная брезгливость.

— Я не могла оставить никакие отпечатки, — выпалила Рыкованова и тут же прикусила язык, понимая, какую оплошность совершила. У Радецкого же, казалось, открылся третий глаз — он увидел, как все происходило на самом деле.

— Вы были без перчаток, но протирали вилку? Чем, полами своей куртки? Или салфетку прихватили? Только штепсель тугой, так что за розетку вы тоже держались.левой рукой. Ее же вы не протерли, Катя?

Она дернулась, чтобы куда-то бежать — протирать розетку, наверное. Радецкий усмехнулся — он верно все рассчитал.

— Впрочем, дело даже не в розетке. Мальчик вас видел.

Он снова блефовал, но согласившийся сыграть в детектива Сева подтвердит, если понадобится ее дожать. Впрочем, Рыкованова сдалась без боя.

— Когда я несла снеговика? Вот ведь крысеныш! Но это ничего не доказывает. Снеговика из грязного снега нечего делать в холодильнике, стоящем в гематологическом отделении. И вы должны лучше меня это знать. Вы ведь главный врач. Пока.

— Я и останусь главным врачом. — Радецкий мило улыбнулся, как крокодил, решавший, сожрать выбранную жертву

целиком или выплюнуть тапочки. – Как бы Олегу Павловичу ни хотелось, чтобы было иначе. – Она изменилась в лице. – Мальчик вас видел, когда вы отключали устройство. Он просто не понял, что именно вы делаете, но его показаний будет вполне достаточно.

– Для чего?

– Для возбуждения уголовного дела. Вы же этого добились, да? Вы, Тихомиров и ваш блогер. Только дело будет возбуждено не против меня или моей жены, а против вас, Катя. Умышленную порчу чужого имущества можно впать точно. Не говоря уже об оставлении пациентов в заведомой опасности. Как вам вообще могло прийти в голову испортить аппарат перед процедурой Севы Васильева! Вы не понимали ее важности и того, что препарат уникален? Ладно Тихомиров, он мерзавец. Но вы же – медицинский работник, Катя! Неужели ради мести можно пожертвовать жизнью или здоровьем чужого ребенка?

– Вы не думали о дочке Олега, когда его увольняли, – выпалила Рыкованова.

– О дочке должен думать сам Олег. Он не очень-то заботился о последствиях, когда ввязывался в сомнительные аферы. В этот раз я его не отпущу так легко, как в прошлый. Он вряд ли сядет, конечно. Срок грозит только вам, но от ошметков его репутации совсем ничего не останется.

– Срок? Мне?

Ее злобное и глуповатое лицо стало совсем растерянным.

– Ну вы же испортили два дорогостоящих аппарата и чуть не сорвали жизненно важную процедуру. Не Тихомиров!

– Он меня заставил! – воскликнула она.

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

– Пытками? – осведомился Радецкий.

Ему вдруг стало ужасно скучно. Он даже не думал, что женщина так легко сдастся. И его врага сдаст тоже. Хотя негодяи и подонки остаются такими же, даже в отношении близких. Фу, пакость какая!

Рыкованова вдруг зарыдала, некрасиво, навзрыд. Радецкому всегда было неприятно смотреть на плачущих женщин, словно в слезах крылось что-то непристойное.

– Владимир Николаевич, что же делать? Я не хочу в тюрьму, я не вынесу.

– Берите ручку, бумагу и пишите, как все было, – с напором сказал он, закрепляя быстрый успех.

В отличие от этой дурочки он понимал: ей вряд ли что-то угрожает. Недоказуемо это все, а значит, ненаказуемо. Главное, чтобы ей сейчас Олег не позвонил. Бумага, которую Екатерина послушно уселась писать, была нужна только ему, чтобы отбояриться от начальства и всевозможных проверок. Судьба Рыковановой его совершенно не интересовала – после того, как он ее уволит, конечно.

Спустя пятнадцать минут он держал в руках лист бумаги, исписанный неровным почерком. Текст содержал огромное количество чудовищных ошибок, но смысл они не исказили. Черным по белому говорилось о том, как Олег Тихомиров уговорил Екатерину Рыкованову вывести из строя аккумуляторы двух инфузионных насосов, чтобы причинить неприятности главному врачу больницы Владимиру Радецкому и его жене Владиславе Громовой, директору фирмы «Мед-Сервис».

Он как раз заканчивал чтение, когда зазвонил телефон. Это была журналистка Инесса Перцева.

– Здравствуйте, Владимир Николаевич, – сказала она. – Я нашла поганца, который серию публикаций запустил. Руки ему больше не мешают, пилы не надо. Готов публиковать опровержения и все такое.

– Спасибо, Инна, – сказал Радецкий сердечно. – Опять выручила. А «все такое» я тебе сейчас пришлю. Увлекательное будет чтение. У поганца число просмотров рванет в недостижимую высь.

Он быстро сфотографировал лист бумаги, который держал в руках, и отправил его Перцевой и заодно Ивану Бунину.

– Что сидим? – спросил он притихшую у стола Рыкованову.

– А что надо делать? – не поняла она.

– Заявление на увольнение писать. Или вы хотите, чтобы на вас в понедельник вся больница пальцем показывала?

Дождавшись, когда будет готова вторая бумага, он пошел к выходу из отделения, чувствуя себя бесконечно уставшим. Не так уж это и просто – разгрести человеческую мерзость. И привыкнуть к ней никак нельзя, что ты будешь делать.

К утру понедельника во всех каналах и пабликах разошлась новость про травлю, жертвой которой стало руководство областной больницы и компании «Мед-Систем». Вспомнили и грязную историю, где несколько лет назад был замешан бывший зам. главного врача по хозяйственной части Олег Тихомиров, уволенный за финансовую нечистоплотность и решивший отомстить.

На все лады склонялась глупая медсестра, рискнувшая здоровьем маленького пациента, а также превозносились

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

профессиональные действия медперсонала, сумевшего быстро найти выход из сложной ситуации и закончить жизненно важную для него процедуру.

Позвонил министр регионального здравоохранения — молодой активный мужик, которому Радецкий симпатизировал. Высказал слова благодарности и поддержки. Екатерина Рыкованова и Олег Тихомиров писали объяснения в полицию. Работодатель Тихомирова уже известил того, что он уволен.

Зарядные устройства для обоих инфузоматов были привезены и установлены за счет компании «Мед-Систем», юристы которой готовили к Рыковановой и Тихомирову иск о возмещении ущерба.

— Где этим убогим деньги взять? — спросил Радецкий за завтраком.

— А какая мне разница? — жестко спросила Влада. — Могут квартиру продать. Машину. Или на панель пойти. Но выплатят они мне все до копеечки.

— Недобрая ты какая, — улыбнулся он.

— На добрых воду возьят, — ответила она. — А я справедливая. И эта сволочь ответит за все. Включая то, что он вообще посмел доставить тебе неприятности.

— Разве ж это неприятности? — махнул рукой Радецкий и поехал на работу.

Третьи сутки шел снег. Небеса словно пытались компенсировать предыдущую задержку и трудились не переставая. Пышный белый ковер укрывал землю, снегоуборочные машины на трассе и городских улицах ездили туда-сюда, дворники были подняты в ружье, но ничего не помогало. Город тонул в снегу, скрывающем его очертания под белым оде-

ялом, погружался в зимнюю сказку, которой совсем скоро предстояло стать предновогодней.

Радецкий припарковал машину на больничной стоянке и пошел к корпусам. Настроение у него было отличное. Снег выпал, значит, теперь все точно будет хорошо. На газоне под окнами гематологического отделения кто-то лепил огромного снеговика. Туловище из трех шаров разного размера уже было готово. На голове красовалось красное пластиковое ведро, на шее – полосатый бело-красный шарф. Автор скульптуры воткнул нос-морковку, отошел на пару шагов, чтобы полюбоваться делом своих рук, повернулся, привлеченный звуком шагов, увидел Радецкого и замер. Это был отец Севы Васильева.

– Владимир Николаевич, – сказал он и замолчал, потому что голос дал петуха и съехал на противный фальцет. – Владимир Николаевич, вы простите меня, пожалуйста. Я очень виноват перед вами за то дурацкое интервью. Просто очень испугался за Севу, понимаете? Препарат испортится, и окажется, что все это было зря. Беременность, роды и вообще...

– Я все понимаю, – мягко сказал Радецкий. – И ничего не зря. У вас теперь есть чудесная дочка. И Сева скоро поправится. Конечно, путь предстоит непростой, но я практически убежден, что все закончится хорошо. Динамика положительная, и Сева очень упорный мальчик.

– Да, он загадал, что если мы сможем слепить снеговика, то все обязательно будет хорошо. Вот мы и лепим.

– Мы?

– Да. Севе нельзя на улицу, но он в окно смотрит. Владимир Николаевич, спасибо вам!

В ОЖИДАНИИ СНЕГА

Радецкий задрал голову и увидел мальчишечье лицо, прижатое к оконному стеклу. Сева махал ему рукой, и он ответил тем же, а потом показал большой палец и пошел к входу в больницу.

Владимир Радецкий не любил понедельники, но бесконечно ценил свою выматывающую, зачастую неблагодарную, трудную, но такую необходимую людям работу. Он делал ее хорошо и знал об этом, не нуждаясь ни в чем одобрении или признании.